

НАШИ ВСТРЕЧИ: Интервью. Беседы. Размышления.

МИХАИЛ КОЗАКОВ - знаменитый актер театра и кино, режиссер, писатель, владелец проектного театра "Русская антреприза Михаила Козакова", руководить которым ему помогает его молодая очаровательная жена Аня. За его плечами не один десяток ролей в театре и кино. Но большинство зрителей Козаков дорог и памятен своими работами в фильмах "Человек-амфибия", "Здравствуй, я ваша тетька". Не забываем, конечно же, и фильм "Покровские ворота", в одночасье сделавший Михаила Михайловича классиком советского кинематографа. Одно время известный артист жил с семьей в Израиле. Теперь он вернулся в Россию, много работает в театре, мечтает вновь снять какой-нибудь фильм и сегодня, как вы уже догадались, отвечает на вопросы корреспондента "Мира новостей".

"Боюсь одного - сойти с ума"

- Михаил Михайлович, ваша замечательная картина "Покровские ворота" рассказывает о Москве. Причем с большой любовью и нежностью. Так что и зрителю потом просто невозможно не полюбить этот город. Но ведь вы родились в Ленинграде. А фильм об этом городе почему-то так и не сняли.

- Чтобы ответить на вопрос, расскажу маленькую историю. Я всегда очень любил собак, хоть никогда и не имел. Однажды я приехал в гости к моим друзьям-актерам в Барнаул. У них был дог невиданной красоты. Я возьми и спроси у них: кого ваш пес любит больше - хозяйина или хозяйку. Друзья молча встали с обеих сторон от собаки и принялись ее звать - то один крикнет, то другая. Это было ужасно - я думал у собаки сердце вырвется из груди. Я даже потребовал остановить издевательство над собакой. Так вот, все это несколько напоминает и мои взаимоотношения с Москвой и Питером. Я, как и мой герой в "Покровских воротах", приехал в 17 лет из Питера в Москву. И сразу же в нее влюбился. Обратите внимание, что "Покровские ворота" - это картина человека, влюбленного в Москву, но любящего Петербург. Я уже сорок лет живу в Москве и всегда буду жить и работать только здесь. Но все равно я остаюсь ленинградцем - по своей сути, по своему менталитету. В Питере мне лучше думается. Как писал Бродский: "Ленинград - это город, в котором легче переносится одиночество. Потому что и сам город одинок".

- Я ждал этого!!! Я так и думаю, что вы обязательно процитируете Бродского. Вы так пишете о нем в своей "Актерской книге"! Кстати, именно благодаря вашим мемуарам я полюбил этого поэта. Думаю, что я не одинок в этом.

- Для меня Бродский - самый главный поэт XX века. Его поэзией

я занимаюсь уже 30 лет. При том, что видел самого Иосифа всего три раза в жизни.

- Я знаю, что вы читаете стихи в такой же манере, как и он.

- А его очень легко спародировать. Он читал стихи очень характерно. Действительно, я делал это настолько умело, что даже родители Иосифа Александровича, которые после его отъезда за границу остались в Ленинграде, часто просили меня: "Почитайте, Миша, как Иосиф читал".

- Самое страшное, что сына не пустили в страну проститься с родителями.

- Да, он даже пробовал добиться разрешения на въезд в СССР через Красный Крест. Но, увы, ничего не вышло, и он не был на похороны родителей. Но я убежден, что Иосиф не держал никакой обиды - он был выше этого. И когда встает вопрос о том, почему он так и не приехал в Питер, лично для меня это вполне объяснимо. Бродский сам говорил: "Я же приеду не в тот Питер, из которого уезжал. Для меня интересно только прошлое. Дважды войти в одну реку нельзя". Это первое. А второе объяснение - ведь у него было три инфаркта, и он просто боялся умереть, увидев дом, где умерли его родители. И, наконец, и третье обстоятельство - для Бродского было важнее вернуться на Родину на бумаге, в литературе. И хорошо, что произошло. Почитателей его таланта сегодня немало. Вот как раз это и было необходимо Иосифу. Он терпеть не мог грубых проявлений восторга. Бродский не был тщеславен. Даже когда он получил Нобелевскую премию, то сказал: "Да, это, конечно, замечательно, что я получил такое литературное признание. Но я сказал себе: "Иосиф, живи так, как будто ничего не случилось". Так поступать ему удавалось и в самые трудные, и в самые счастливые моменты своей жизни. И этому умению Бродского так от-

носиться к жизни надо учиться каждому.

- А Иосиф Александрович ведь даже не имел высшего образования. В 8-м классе он встал и вышел из класса. И официально больше нигде не учился.

- Да, он занимался самообразованием. И был самым образованным человеком в России. А может, и во всем мире. Самостоятельно он изучил два языка - сначала польский, затем английский. Очень много читал. И при этом постоянно работал. Когда его судили за тунеядство - это была такая чушь! Иосиф работал и геологом, и в поле, и даже в море.

- А почему Бродского не похоронили в Петербурге? У него есть "Стансы" со словами: "Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать." А его похоронили в Венеции.

- Здесь все в стиле Бродского. Его однажды спросили: "Кем вы себя считаете - эмигрантом или американцем?". И он ответил: "Нет, у меня положение лучше. Я - еврей по национальности, русский поэт и гражданин Америки". Если бы он был похоронен в Америке - это было бы просто безвкусно. Если бы он буквально попросил похоронить себя в Ленинграде - это тоже было бы безвкусно. Там он похоронил свое сердце: "Я там страдал, я там любил. Я сердце там похоронил". Тогда Иосиф выбирает третий город - Венецию. Почему? Ему там замечательно работало. А потом по атмосфере Венеция ассоциируется с Петербургом - те же каналы, дома. Так что Бродский безошибочно выбрал место, где ему надо быть похороненным. Он лежит на кладбище, где покоятся тела и

Стравинского, и Дягилева. Так что все правильно. Ведь здорово, что Пушкин похоронен не в Москве или Петербурге, а на Святых горах, неподалеку от своего любимого Михайловского. И Толстой похоронен там, где были зарыты зеленые палочки. Лермонтов похоронен у бабушки. По-моему, это поразительно. Пастернак похоронен на Перedelкинском кладбище, а Ахматова - на Комаровском. Бог очень точно указывает человеку его последнее место. Простите, но если говорить обо мне, то я буду похоронен на Введенском кладбище в могиле своего отца. Почему я должен лежать там, где народ хочет? Даже когда я жил в Израиле, я просил, если что случится, отправить меня в Россию. Хотя, казалось бы, у меня был шанс быть похороненным в святых местах.

- Давайте на этом закончим грустную тему. Вы сегодня часто бываете в Израиле?

- Не очень. Что я больше всего люблю делать в Израиле, знаете? Работать со студентами. И сейчас меня вновь зовут преподавать. Но у меня так все напряженно в Москве и Питере, что просто нет времени уезжать. Хотя я пока в кино не суюсь, потому что там полная неразбериха, я все-таки хочу снять две картины. Потом хочу записать Бродского на телевидении. И у меня ведь есть театр. С женой мы держим "Антрeпризу" - она в статусе проектного театра. Вы можете спросить, а где она?

- Да, а где она?

- А вот она - перед вами. В этих двух соединенных квартирах на Ордынке. У нас нет ни инвесторов, ни спонсоров. Мой спонсор - это дарование, данное Господом Богом. Мой инвестор - это мое трудолюбие. А награда - отношение ко мне зрителей. И, поверьте, больше мне ничего не надо. Все остальное в руках Господа.

- Зато у вас самый надежный спонсор, который никогда не подведет.

- Да, если я только не сойду с ума. Некоторые у нас от этого сильно страдают. Я часто вижу сегодня, как у моих сверстников или людей младшего возраста просто крыша едет. Они стали награждать друг друга эпитетами "великий", "гениальный", "легенда". Они сошли с ума. Клянусь, это болезнь, которая на медицинском языке называется манией величия. Если мы хотя бы на минуточку поймем, что гений - это Пушкин, то кто после этого посмеет поставить себя вровень с ним? Тогда уже можно сравнивать себя с Господом Богом, с Христом! Раньше, при социализме, было смешно смотреть, как взрослые мужики вырезали из золота звезды, вешали друг другу на грудь и взапус целовались. Теперь не менее смешно наблюдать, как мои коллеги ошалело раздают друг другу: "ты - легенда" и "ты - легенда". Это глупо и смешно. Я говорю это без всякой злобы и зависти.

- На вашем столе лежит кассета с песнями Басилашвили "Дождевые псалмы". Вам понравилось?

- Если честно, я еще не успел послушать. Только два дня нахожусь в Москве, и сразу столько дел появилось. Вот час назад приехал с радио - записывал сказки. Знаете, сегодня мне очень близок этот жанр - мои дети обожают, когда я рассказываю им сказки.

- А сколько ваших детей?

- Малым? Мишке уже восемь, он ходит в школу. А Зое - два годика.

- Вы бы хотели, чтобы они жили в этой стране?

- Только так. Ничего интереснее для них нигде не будет. Вы можете спросить меня о том, нравится ли мне сегодняшнее время. Отвечаю однозначно - да. Как актер могу сказать, что сегодня у народа другая психология. Психология свободно-

райский паспорт, и я при желании всегда могу туда приехать. Но мне не до этого. Меня даже в Америку не тянет. Знаете, одним из плюсов моей израильской эпопеи я считаю победу над "комплексом бугра", который был раньше у всех советских людей, не имеющих возможности выезжать за границу. Я от этого комплекса полностью излечился. И уже за одно это я благодарен Израилу. Но ехать в эту страну мне больше не хочется. Даже на отдых. Морем и солнцем я наелся до конца жизни, и мне больше нравится отдыхать в Перedelкине или в Комарове. Эти два места - самые любимые для меня на всей Земле. И это не есть какой-то "квасной патриотизм". У меня его вообще нет. Это просто реальность. Мы вот в прошлом месяце жили впятером в одной комнате в Перedelкине и прекрасно себя чувствовали.

- У меня сложилось впечатление, что в Израиле вы не только победили "комплекс бугра", но и стали бизнесменом.

- Да нет, никакой я не бизнесмен. Я просто реалист. И при этом я остаюсь человеком в чем-то сентиментальным и романтичным. Но я не люблю себя обманывать. На жизнь надо смотреть трезво и делать соответствующие выводы. Уметь делать дело - это не значит уметь зарабатывать деньги. Это значит - уметь их считать.

- Ваш старший сын Кирилл стал известным актером. Вы довольны им?

- Как любому отцу, мне сложно говорить о том, талантлив он или нет. Когда ему было 17, я, конечно, переживал за него и не хотел, чтобы он пошел по моим стопам. Нам, отцам, хорошо известно, чего это стоит. Я хотел, чтобы Кирилл стал кинооператором, он хорошо разбирается в технике. В отличие от меня. Я и техника - вещи абсолютно несовместимые. Как у моего героя из "Покровских ворот" Льва Евгеньевича Хоботова, у меня в руках тоже все ломается. Хочу побриться - ломается бритва, хочу вернуть лампочку - она лопается. Техника меня ненавидит за то, что и я ее не люблю. А у Кирилла руки просто золотые, и я считал, что он должен заниматься техникой. Но Кирилл выбрал другое. Что ж, возможно, он и прав. Не исключено, что я что-нибудь поставлю с ним. Но только в том случае, если роль будет для него. Если же эту роль сыграет, допустим, лучший актер Иванов, то Иванов ее и будет играть. Вот я сейчас в Питере ставлю спектакль "Паола и лвы" с Басилашвили в главной роли. Я ведь эту роль мог и сам сыграть и при этом, между прочим, сэкономить деньги, которые плачу Олегу. Имя, я думаю, мое значит не меньше. Но я знаю, что лучше Басилашвили эту роль никто не сыграет, и поэтому я пригласил именно его.

- В вашей книге мне запомнилось одно слово - "кеф".

- Вообще-то это восточное слово. У Тургенева можно прочитать "кейф". Мы же говорим "кайф", очевидно, на американский манер. А в Израиле, вы правы, говорят "кеф".

- Тогда мой последний вопрос будет связан с этим оригинальным словом. От чего вы нынче получаете "кеф"?

- От работы, от музыки, от книг, от стихов. От того, что слава Богу, растут дети. От того, что, я вижу красивую молодежь. Да, я знаю, что есть преступность, есть воры, есть бомжи. Но, с другой стороны, я прихожу в Петропавловскую лавру и вижу школьников, которые тоже пришли в церковь. Я иду по Невскому проспекту и вижу такое количество красивых девушек! Я в свои 63 года не считаю себя старым ловеласом, но глазо-то у меня есть! Аж с женой страшно идти - вдруг приревнует. Раньше Пушкин писал, что ты едва найдешь в России "три пары стройных женских ног". Ерунда! Александр Сергеевич бы очень порадовался - урожайность ног сильно повысилась. А вообще жизнь - она полосатая и трагичная изначально, потому что всех нас ждет одно и то же. Но, с другой стороны, ведь мы не знаем, что ждет нас потом...

Игорь Изгаршев